

© 2013 г. *В.П. Бодаевский*

УДК 340

**ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНА УКРАИНЫ
ОТНОСИТЕЛЬНО ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В ПРОСТРАНСТВЕ**

К военнослужащим и военнообязанным во время прохождения учебных (проверочных) или специальных сборов (далее – военнослужащих), которые совершили преступления, Уголовный кодекс (далее – УК) Украины применяется на общих для всех украинских граждан основаниях за некоторыми исключениями, обусловленными особенностями военной службы. Эти исключения относятся и к нормативным предписаниям УК, регламентирующим его действие в пространстве. Они вызваны спецификой определения юрисдикции воинских подразделений и отдельных военнослужащих Украины, выполняющих задачи, связанные с прохождением военной службы, на территории других государств.

Значение решения исследуемой проблемы особенно возрастает в связи с активным участием Украины в миротворческой деятельности различных международных организаций. Вопросам действия уголовного закона в пространстве закономерно посвящено достаточно большое количество научных трудов, однако исследования именно в этом направлении науки уголовного права остаются без надлежащего внимания отечественных ученых. На сегодняшний день исследовались лишь отдельные его аспекты. Наиболее известными научными трудами в этой сфере являются работы таких ученых, как Х.М. Ахметшин, П.С. Берзин, Ю.М. Колосов, И.И. Котляров, И.М. Коропатник, Г.М. Мелков, А.П. Мовчан, М.И. Панов, М.М. Сенько, А.А. Тер-Акопов, А.А. Толкаченко, Б.Р. Тузмухамедов, А.Т. Уколов, М.И. Хавронюк, Г.И. Чангули, В.М. Чхиквадзе, А.Ш. Якупов и других.

Основываясь на указанном, мы считаем, что вопросы поднимаемые в этой статье являются проблемными и требуют скорейшего разрешения. Целью ста-

тью является анализ особенностей применения уголовного закона Украины относительно воинских преступлений в пространстве, формулирование выводов касательно данной проблемы и внесение предложений по ее решению.

В теории уголовного права принято считать, что действие закона Украины об уголовной ответственности в пространстве означает возможность или невозможность применения определенного закона об уголовной ответственности (в целом и отдельных его положений) для юридической оценки конкретного преступления в зависимости от государственно-правового статуса лиц, которые его совершили на территории Украины или же за пределами ее территории [1, с. 204]. При определении сферы действия закона, в том числе и уголовного, в мировой литературе, в законодательстве и международной практике используют понятие «юрисдикция». А когда речь идет о действии закона за пределами государства, используют понятие «экстратерриториальная юрисдикция». По объему юрисдикцию принято разделять на «полную» и «неполную» («ограниченную»). Под полной юрисдикцией понимают власть государства устанавливать обязательные правила поведения и обеспечивать их реализацию всеми законными средствами, которые имеются в его распоряжении. Соответственно, при неполной (ограниченной) юрисдикции государство, устанавливая обязательные правила поведения, ограничено в использовании средств, обеспечивающих их выполнение [2, с. 38]. Общие правила действия уголовного закона в пространстве, а соответственно и ее юрисдикции, регламентируются статьями 6, 7 и 8 УК Украины. Однако только положения статей 6 и 7 УК Украины распространяются на военнослужащих Вооруженных Сил и других воинских формирований Украины. Данное утверждение следует из того, что нормативные предписания этих статей касаются граждан Украины вообще, а поскольку военную службу, в соответствии со ст. 65 Конституции Украины и ч. 1 ст. 2 Закона Украины «О воинской обязанности и военной службе» от 25.03.1992 г., могут проходить исключительно граждане Украины, то положения указанных статей касаются и военнослужащих. В соответствии с их содержанием граждане Украины, которые совершили преступление на ее территории и за ее пределами, привлекаются к уголовной ответственности по украинскому законодательству. Исключение из этого правила, согласно ч. 1 ст. 7

УК Украины, установлено лишь для случая совершения преступления за пределами Украины, и заключается в том, что иная юрисдикция может быть предусмотрена международными договорами Украины, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины.

В теории международного права существует мнение, что решение проблемы юрисдикции войск на территории другого государства зависит в большинстве случаев от таких факторов, как пребывание воинских подразделений на положении военного времени (например, при участии государств в вооруженных конфликтах) или мирного времени (при участии в миротворческих операциях), а также от того, в рамках какой международной организации осуществляется миротворческая деятельность (НАТО, ОБСЕ, ООН, СНГ и других) и какое правовое регулирование этих отношений в ней существует [3, с. 23; 4, с. 191].

Мы не касаемся оценки военной оккупации в период вооруженных конфликтов международного характера, оккупант, по понятным причинам, осуществляет в пределах иностранной территории свою юрисдикцию. Но его действия в этом случае, исходя из ч. 1 ст. 43 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., относительно защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 08.06.1977 г., не должны противоречить нормам международного права. Аналогично решаются вопросы юрисдикции войск в случае аннексии территории иностранного государства, хотя она является противоправной с самого начала [5, с. 42].

Об этом можно говорить и когда войска принимают участие в вооруженных конфликтах на территории иностранных государств под эгидой международных организаций. В теории международного права существует мнение (например, его высказывали И.М. Коропатник, Г.М. Мелков и Б.Р. Тузмухамедов) о том, что в данном случае такие воинские подразделения (даже те, которые действуют по мандату ООН) являются законными участниками вооруженных конфликтов (приобретают статус комбатанта) [5, с. 28; 6, с. 19; 7, с. 23].

По данным заведующего отдела системного анализа проблем военной безопасности Регионального филиала Национального института стратегических исследований в городе Днепропетровске А.И. Ижака и Министерства обороны Украины, воинские подразделения и отдельные военнослужащие Украины также брали участие в таких операциях: 1) в миссиях ООН: Либе-

рия (военный контингент), Кот-д'Ивуар (временная передислокация частей контингента из Либерии), Косово (штабные офицеры); 2) в миссиях ОБСЕ: Косово (военный контингент); 3) в миссиях НАТО КФОР за мандатом ООН: Косово (военный контингент), Ирак (военные советники и штабные офицеры), Афганистан (военные эксперты); 4) в миссиях за договорным мандатом: Кувейт (военный контингент) [8; 9].

Как аргумент в подтверждение указанному, приведем положения основных базовых соглашений и других нормативных актов международных организаций относительно операций, связанных с действием боевых подразделений, в которых принимали участие военнослужащие Украины. В частности в п. 1.1 раздела I Бюллетеня Генерального секретаря ООН (в дальнейшем Бюллетень ГС ООН) от 06.08.1999 г. (ST/SGB/1999/13) под названием «Соблюдение силами Организации Объединенных Наций норм международного гуманитарного права», указывается, что: «Основополагающие принципы и нормы международного гуманитарного права, изложенные в настоящем бюллетене, применяются к силам Организации Объединенных Наций, когда, находясь в ситуации вооруженного конфликта, они активно принимают участие в них в качестве комбатантов». В разделе II, этого Бюллетеня, регламентируется, что: «Настоящие положения... не подменяют собой национальные законы, которые остаются обязательными для военного персонала в ходе всей операции». А в разделе IV этого документа отмечается, что: «В случае нарушения норм международного гуманитарного права военнослужащие сил ООН подлежат судебному преследованию в своих национальных судах». В подтверждение данной позиции необходимо привести и положения п. 30 раздела VII Кодекса поведения, касающегося военно-политических аспектов безопасности (базового документа ОБСЕ) от 03.12.1994 г., где, в частности, указывается, что: «Каждое государство-участник будет обеспечивать, чтобы личный состав его вооруженных сил был ознакомлен с положениями международного гуманитарного права, международными гуманитарными правилами, нормами и обязательствами, касающимися вооруженных конфликтов, а также осведомлен о том, что он несет индивидуальную ответственность согласно национального законодательства и международного права за свои действия». На достоверность данной позиции указывают также положения Меморандума о взаимопонимании между Министерством обороны Украины и Министерствами обороны сторон Стабилизационных Сил в Ираке от 24.07.2003 г.,

в п. 12.2 ст. 12 которого регламентируется, что: «Личный состав многонациональной дивизии (Центральный Юг), которая будет действовать в составе стабилизационных сил в Ираке, остается под исключительной юрисдикцией соответствующих государств, его отправивших. Он будет пользоваться иммунитетом от уголовного, гражданского и административного преследования и от любой формы ареста или задержания, за исключением случаев, когда такое преследование или арест или задержание будут осуществляться лицами, действующими по приказу или от имени государств, отправивших соответствующий личный состав. Участники будут информировать командира БД (ЦП) о результате любого осуществления этой юрисдикции». Кроме того, как типичный пример определения юрисдикции воинских подразделений Украины, принимающих участие в операциях, предусматривающих действия боевых подразделений сил НАТО по мандату ООН на территориях других государств, необходимо привести и Техническое соглашение между Министерством обороны Украины и Министерством охраны края Литовской Республики относительно направления миротворческого персонала Украины для выполнения задач в составе литовского контингента, который действует в рамках Международных сил содействия безопасности в Исламской Республике Афганистан от 13.04.2011 г. В ст. 7, этого Соглашения, предусмотрено, что: «Украинские силы, которые будут действовать в составе литовского контингента, остаются под исключительной уголовной, административной и дисциплинарной юрисдикцией Украины». Примером определения юрисдикции воинских подразделений Украины в вооруженных конфликтах по договорному мандату может служить Соглашение (в форме обмена письмами) между Украиной и Государством Кувейт «О предоставлении помощи 19-м отдельным батальоном радиационной, химической и биологической защиты Вооруженных Сил Украины в защите гражданского населения Государства Кувейт от последствий возможного применения оружия массового поражения и в ликвидации возможных последствий применения оружия массового поражения на территории Государства Кувейт» от 17.03.2003 г. В частности, в п. 2 раздела VIII, этого Соглашения, предусмотрено, что: «Личному составу воинских подразделений на территории Государства Кувейт предоставляются привилегии и иммунитеты, предусмотренные для административного и технического персонала согласно Видэнской конвенции о дипломатических отношениях от 18 апреля 1961 года».

Вышеуказанное позволяет констатировать, что в военное время, т.е., когда воинские подразделения принимают участие в вооруженных конфликтах (как комбатанты) на территории других государств, военнослужащие и гражданский персонал, за совершенные преступления (в том числе и воинские) в этих государствах подлежат уголовной ответственности по законодательству своих государств.

Однако необходимо отметить, что вопросами правонарушений личного состава войск, принимающего участие в таких конфликтах на территории иностранных государств, могут заниматься и международные судебные учреждения. Так, Специальный суд по Сьерра-Леоне впервые был непосредственно наделен юрисдикцией относительно преступлений, совершенных персоналом миротворческой миссии ООН в этой стране (что прямо следует из положений ст. 1 его Устава от 14.08.2000 г.), но при условии, если направляющее государство не желает или должным образом не может осуществлять расследование и привлечение таких лиц к уголовной ответственности. Данный спецсуд применяет свою юрисдикцию еще и при условии предоставления ему соответствующих полномочий Советом Безопасности ООН и только за преступления, предусмотренные его уставом. В частности, это преступления против человечности, правосудия, военные преступления и геноцид. Причем, согласно ст. 3 Устава спецсуда, к военным преступлениям данный документ относит и мародерство, которое по действующему УК Украины считается воинским преступлением [4]. Отдельно необходимо выделить и роль в рассматриваемых правоотношениях Международного уголовного суда. На сегодняшний день этот суд не имеет специально предусмотренной юрисдикции относительно миротворческого персонала, однако имеет юрисдикцию касательно преступлений, совершенных на территории государств-участниц Римского Устава Международного уголовного суда (далее – Устав МКС) от 17.06.1998 г., и преступлений совершенных гражданами государств-участниц Устава МКС, то есть миротворцы также подпадают под его юрисдикцию [4]. Однако, в соответствии со ст. 17 Устава МКС, суд не может принять к своему производству дело, если оно, например, расследуется или по нему возбуждено уголовное преследование государством, имеющим в отношении этого дела юрисдикцию, за исключением, когда государство не желает или не может вести расследование или уголовное пре-

следование должным образом. Также следует обратить внимание и на то, что в международной практике существуют случаи создания международными организациями специальных подразделений для предоставления квалифицированной помощи принимающим в них участие государствам, которые не в состоянии самостоятельно обеспечить проведение надлежащего расследования преступлений своих миротворцев. Например, такое подразделение создано при Секретариате ООН, деятельность которого непосредственно контролируется Генеральным секретарем ООН [6].

Из указанного следует, что международная практика выработала специальные правила, в соответствии с которыми применение юрисдикции международных учреждений к миротворцам осуществляется преимущественно, когда направляющие их государства не желают или не могут должным образом осуществлять расследование или судебное разбирательство. Именно поэтому, в теории международного права (как указывает С.Д. Билоцкий) такая юрисдикция считается дополнительной [6].

В отличие от участия государств в вооруженных конфликтах в миротворческих операциях, личный состав их вооруженных сил не приобретает статуса комбатантов и находится в положении мирного времени. К таким операциям, по данным заведующего отдела системного анализа проблем военной безопасности Регионального филиала Национального института стратегических исследований в городе Днепропетровске А.И. Ижака и Министерства Обороны Украины, например, относятся операции: 1) в миссиях ООН: Судан (военные наблюдатели), Конго (военные наблюдатели), Кипр (полицейские), Тимор-Лешти (полицейские); 2) под эгидой ОБСЕ: в Полицейской Миссии – Босния и Герцеговина (полицейские); антипиратские «Atalanta» – побережье Сомали (штабной офицер, с перспективой привлечения кораблей для патрулирования); 3) коллективной обороны НАТО «Active Endeavor» Средиземное море (корабли для патрулирования по запросу и предложением); 4) по инициативе Турции – «Черноморская Гармония» (обмен информацией, с перспективой привлечения кораблей для патрулирования) [8; 9].

Относительно рассматриваемой проблемы для мирного времени в теории международного права, исходя из общих положений полной и ограниченной юрисдикций, разработаны два подхода ее решения: 1) идея полной юрисдикции государства по отношению к своим вооруженным силам и

персоналу, находящимся на территории иностранного государства; 2) идея ограниченной юрисдикции относительно своих войск и военнослужащих на иностранных территориях [3, с. 125, 127].

Первый подход (в его основу положены концепции госсекретаря США Уэбстера и таких ученых, как: Ж. Анри, Ф. Мартенса, Ф. Листа, В. Хола) означает, что судебная власть и правоохранительные органы государства пребывания не могут инициировать и осуществлять уголовное преследование или наказывать иностранных военнослужащих [3, с. 125, 127]. Применительно к нашему государству данный подход впервые нашел свое закрепление в Конвенции «О содержании вспомогательных аксиллярных войск российских в Швеции, а шведских – в России» от 30 июня 1727 г. [3, с. 125]. В первой половине XX ст. идея полной юрисдикции государства к своим войскам и персоналу трансформировалась в теории «абсолютного обычного иммунитета» и «абсолютного договорного иммунитета».

В соответствии с постулатами теории «абсолютного обычного иммунитета» для международных правоотношений полностью естественным является то, что принимающее государство отказывается от любой юрисдикции над иностранными войсками, если иное не урегулировано международными договорами. В дальнейшем эта теория была положена в основу, например, Конвенции ООН по морскому праву от 10.12.1982 г. и Хельсинского договора по открытому небу от 24.03.1992 г., которые и сегодня остаются актуальными для всего мирового сообщества. Положения этих документов международного права связаны с юридическими категориями «право флага» та «территория государства» [3, с. 125]. Военный корабль в иностранных водах – плавающая часть государства, флаг которого он несет. Поэтому такой корабль имеет исключительный иммунитет относительно юрисдикции любого государства. Военный корабль со всем личным составом и грузом остается под «абсолютным обычным иммунитетом» государства его флага, независимо от того, находится он в открытом море, в территориальных водах другого государства или иностранном порту, и для этого не нужно заключать соответствующее соглашение. Против него невозможно начать любое судопроизводство со стороны иностранного государства, ни одно должностное лицо другого государства не может вступить на борт корабля без разрешения его командира. Все преступления, которые совершены на борту корабля лицами, находящи-

мися на службе, подлежат полной юрисдикции государства права. Кроме того, все преступления, совершенные ими при прохождении военной службы на территории государства пребывания, также подлежат полной юрисдикции государства флага [3, с. 125]. Аналогичные правила установлены и для военных воздушных объектов, независимо от места пребывания, за пределами воздушного пространства государства флага [10, с. 8].

На положениях данной теории сформулированы и нормативные предписания ч. 8 ст. 11 Модельного Закона «Об участии государства – участника СНГ в миротворческих операциях», принятого 17.04.2004 г. на 23 пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств, – участников СНГ, где, в частности, указывается, что из-за отсутствия соглашения между участником СНГ и принимающей стороной, применяются следующие принципы: «...государство – участник СНГ осуществляет в соответствии с национальным законодательством правовое преследование лиц, входящих в состав военного или гражданского персонала, подозреваемых (обвиняемых) в преступлениях, совершаемых по месту проведения миротворческой операции».

Что касается теории «абсолютного договорного иммунитета, то в соответствии с ее положениями экстратерриториальная юрисдикция должна устанавливаться только на основании соответствующего соглашения. В частности, именно по правилам этой теории были заключены соглашения между США и Южной Кореей в 1950 г., между США и Данией в 1951 г. и между США и ФРГ в 1954 г., которыми урегулированы вопросы юрисдикции относительно американских военных баз и отдельных военнослужащих [3, с. 127].

Анализ актов международного права показал, что хотя данный подход и является достаточно распространенным в международной практике, но он, по вышеуказанным причинам, не является преобладающим (или типичным).

Однако, как отмечают И.И. Лукашук и А.В. Наумов, ссылаясь на нормы международного права и практику его применения, именно второй подход наиболее чаще используется (является типичным) при решении исследуемой проблемы [2, с. 46]. Этот подход (в интерпретации известного английского юриста-международника Л. Оппенгейма) означает, что экстратерриториальность воинских подразделений, находящихся на иностранной территории, может быть применена лишь, когда преступление совершено на территории дислокации этих подразделений или, если виновное лицо совершило его при вы-

полнении служебных обязанностей [3, с. 127; 11, с. 376-385]. С развитием международного права он был положен в основу теории «Гармоничного сочетания параллельных полных юрисдикций государства, которое направляет, и государства, которое принимает», разработанной американскими юристами Б. Брамсом, Е. Шуком, К. Пайя, Д. Снн. В соответствии с ее положениями, под полную уголовную юрисдикцию государства, которое направило войска на территорию другого государства, должны подпадать все преступления, совершенные личным составом или персоналом этих войск в местах их дислокаций или при выполнении обязанностей военной службы, независимо от места совершения таких преступлений. Однако, к уголовной юрисдикции принимающего государства относятся преступления, совершенные указанными лицами, направленные против ее безопасности, имущества и граждан [3, с. 127]. В последующем, данная теория нашла свое отражение в ряде международных соглашений, а также в нормативных предписаниях национального законодательства отдельных государств.

Примером таких соглашений могут служить базовое Соглашение между сторонами Североатлантического договора относительно статуса их вооруженных сил от 19.06.1951 г., оно имеет значение для Украины потому что к ее положениям отсылает Соглашение между государствами-участниками Североатлантического договора и другими государствами, принимающими участие в программе «Партнерство ради мира» о статусе их вооруженных сил (PFP SOFA) от 19.06.1995 г. (далее – Соглашение «Партнерство ради мира»), участницей которого является и Украина, и Соглашение между Украиной и Республикой Польша от 26.11.1997 г. (в настоящее время оно потеряло свое действие) о создании общей воинской части для участия в международных миротворческих и гуманитарных операциях под эгидой международных организаций.

К слову, положения именно этой теории легли в основу Соглашения между Россией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины от 28.05.1997 г.

Содержания международных соглашений, заключенных с учетом второго подхода, преимущественно определяют приоритет юрисдикции направляющего государства относительно правонарушений, совершенных против его безопасности или имущества, нарушений военного правопорядка (военные

преступления) или правонарушений, совершенных исключительно против гражданского компонента этого государства или члена семьи миротворческого персонала. При совершении всех других преступлений, приоритет юрисдикции направляющего государства может зависеть от места дислокации этих войск и факта выполнения миротворческим персоналом своих служебных обязанностей. Власти принимающего государства имеют первенство в осуществлении юрисдикции в отношении этого миротворческого персонала в случае всяких других преступлений.

Как пример отображения в национальном законодательстве отдельных государств положений данной теории, можно привести нормативные предписания Закона Англии «О присутствующих войсках» от 1952 г., предусматривающего, что под английскую юрисдикцию подпадают все преступления и правонарушения, совершенные иностранными военнослужащими не при выполнении служебных обязанностей, а также не в местах их дислокации.

На сегодняшний день международная практика государств при регулировании исследуемых отношений допускает заключение отдельных соглашений (преимущественно двусторонних), иногда обмен дипломатическими нотами или устных соглашений (последние являются присущими для миссий SOFA), где направляющее государство может закрепить необходимый определенный объем правовых гарантий для своих военнослужащих и других лиц в составе миротворческого персонала, а принимающее государство, напротив, ограничить эту юрисдикцию, в соответствии с международным правом [4, с. 191]. Так, например, Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН (UN Doc. A/45/594) от 09.10.1990 г. и (UN Doc. A/46/185) от 23.05.1991 г. были утверждены «Типовое соглашение о статусе сил для проведения операций по поддержанию мира» и, соответственно, «Типовое соглашение между ООН и государствами-членами, которые предоставляют персонал и оборудование для операций ООН по поддержанию мира». На возможность заключения подобных соглашений в миссиях НАТО, в частности, указывают положения ст. IV базового Соглашения «Партнерство ради мира», где регламентируется, что: «Настоящее Соглашение может быть дополнено или иным образом изменено в соответствии с нормами международного права». Предусматривают ее и цитируемые нами положения ст. 11 Модельного Закона «Об участии государства – участника СНГ в миротворческих операциях» от 17.04.2004 г.

Как отмечалось, законодательная конструкция ст. 7 УК Украины сформулирована так, что речь в ней ведется о гражданах Украины за рубежом вообще, а потому нормативные предписания данной статьи могут распространяться на любого из военнослужащих за рубежом, независимо от того, находится ли он в иностранном государстве в частном порядке, например в отпуске, в качестве туриста или по служебной необходимости. Исходя из этого, можно сделать вывод, что нормативные предписания действующего УК Украины не учитывают в полной мере статус военнослужащих Украины при выполнении ими своей воинской обязанности за ее пределами, характер заданий, которые они выполняют на территории иностранных государств, взаимоотношения Украины с данными государствами и т.д., возлагая это на международные соглашения.

В международной практике очень часто возникают ситуации, когда военная безопасность государства или союзные обязательства требуют экстренного присутствия войск на территории другого государства без юридической подготовки этой акции. В результате возможны коллизии, когда признанное в государстве пребывание в качестве преступного деяния не будет таковым по уголовному закону Украины. Более того, законодательство Украины может даже обязывать его совершение. В рамках нашего исследования данную ситуацию усугубляет и проблема разграничения воинских и общеуголовных преступлений. В частности, хищение военного имущества по законодательству Украины признается воинским преступлением, предусмотренным ст. 410 УК Украины (аналогичные составы преступлений, как воинские, предусмотрены УК КНР, Польши, Таджикистана и т.д.), а в таких государствах, например, как Азербайджан, Беларусь, Болгария, Армения, Грузия, Молдова, Швеция – это общеуголовные преступления [12, с. 26-31]. Не исключаются случаи хищения военнослужащими Украины спорного имущества, правовой статус которого не определен, а потому такое преступление может быть признано иностранным государством невоинским, таким, что не посягает на собственность Украины. Однако, во всех указанных случаях суды других государств будут вправе привлечь соответствующее лицо к уголовной ответственности по своему национальному законодательству.

Возникают сомнения и относительно того, что указанные положения УК Украины, которые распространяют действие уголовного закона Украины (от-

носителем всех видов преступлений, совершенных гражданами Украины, в том числе военнослужащими) на территорию других государств, могут быть признаны этими государствами (или одинаково признаваться ими в разных международно-политических условиях), учитывая, как указывают И.И. Лукашук и А.В. Наумов, тенденцию современного международного права к значительным ограничениям в этой сфере [2, с. 46]. Например, такие ограничения нашли свое закрепление в ст. 10 Конвенции о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала от 09.12.1994 г. (рассчитанную, в соответствии с ее ст. 2, исключительно на мирное время), где указывается, что каждое государство-участник должно принять такие меры, которые могут быть необходимы для установления своей юрисдикции относительно преступлений против членов персонала ООН, в случаях, когда преступник находится на ее территории, и оно не выдает это лицо другим государствам-участникам данной Конвенции. Между тем, в этой статье предусмотрена оговорка о том, что Конвенция не исключает возможности осуществления любой уголовной юрисдикции в соответствии с национальным законодательством. Представляется, что последние положения являются исключением из общего правила.

По этому поводу необходимо привести и положения Руководящих принципов для предупреждения организованной преступности и борьбы с ней, которые были приняты в 1990 г. VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. В данном документе отмечается, что следует способствовать обеспечению большего единообразия законов и практики государств, которые касаются уголовной юрисдикции, хотя вместе с тем следует избегать чрезмерного расширения национальной юрисдикции для предупреждения нежелательных правовых конфликтов между государствами.

На необходимость отказа государств от экстратерриториального действия принятых ими законов, в том числе уголовных, неоднократно указывала и Генеральная Ассамблея ООН, основываясь на нормах ст. 2 Устава ООН, поскольку такая юрисдикция противоречит суверенитету других государств.

Кроме того, разный подход при заключении отдельных международных соглашений относительно определения объема уголовной юрисдикции Украины касательно своих военнослужащих на территориях иностранных государств, противоречит основному принципу права (закрепленному в ст. 24 Конституции Украины) равенства всех перед законом.

Между тем, международное соглашение (договор) является не единственным источником международного права. Как известно, международная практика в качестве таких источников указывает еще и на обычай, а в некоторых случаях – на решения международных организаций. Безусловно, главная роль принадлежит договорам. Однако, договорному способу создания международных норм присущ целый ряд недостатков, к которым относятся и вышеуказанные. На наш взгляд, главный из них заключается в том, что соглашение обязывает лишь те государства, которые в нем принимают участие. Как свидетельствует практика, в большинстве многосторонних договоров также принимает участие сравнительно небольшое количество государств. В результате договорные нормы не имеют широкого применения. В отличие от договорных обычные нормы общего международного права создаются международным сообществом в целом, то есть достаточно представительным большинством государств. Они становятся обязательными для всех государств, которые не выражают протеста. Как указывают И.И. Лукашук и А.В. Наумов, сегодня существует динамичный механизм международного правотворчества в результате взаимодействия обычая с соглашениями (договорами) и с резолюциями международных организаций. Представительное большинство государств заключают договор, положения которого становятся обычными нормами общего международного права в результате молчаливого признания их государствами в качестве таковых. Как пример можно привести Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г., в которых принимают участие не все государства, но их нормы являются частью общего международного права, обязательного для всех государств [2, с. 14-15]. При этом данный подход не запрещает государствам при необходимости заключить отдельные соглашения, где они могут уточнять некоторые вопросы, основываясь при этом на нормах международного права. Если заключенное соглашение будет противоречить этим нормам, то такое соглашение будет считаться никчемным.

Исходя из указанного, мы присоединяемся к позиции тех ученых, которые считают, что юрисдикция государства по отношению к своим войскам, находящимся за ее пределами, должна осуществляться в соответствии с положениями международного права, а не ограничиваться только международными договорами, как это предусмотрено действующим УК Украины [2, с. 46].

Подводя итоги изложенному, необходимо констатировать, что на сегодняшний день действующий УК Украины не в полной мере учитывает особенности военной службы при решении вопросов действия уголовного закона в пространстве. Тенденции к увеличению активности участия воинских подразделений Украины в многонациональных операциях под эгидой международных организаций, разный подход украинского и иностранного законодательства к признанию деяния преступлением, в том числе воинским, при неоднозначном решении проблемы действия уголовного закона Украины в пространстве, может негативно отразиться на уголовно-правовой охране воинского правопорядка и привести к нарушению прав военнослужащих и других лиц.

Выходом из создавшейся ситуации, на наш взгляд, было бы дополнение ст. 7 УК Украины положением относительно того, что: «Военный и гражданский персонал, который направлен, в соответствии с законодательством Украины для выполнения своих служебных обязанностей за пределы Украины, за преступления, совершенные на территории иностранного государства, подлежат уголовной ответственности по этому Кодексу, если иное не предусмотрено общепризнанными принципами и нормами международного права».

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Кримінальне право. Загальна частина: Підручник / За ред. А.С. Беницького, В.С. Гуславського, О.О. Дудорова, Б.Г. Розовського. К., 2011.
2. Лукащук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: Учебник / И.И. Лукащук, А.В. Наумов. М., 1999.
3. Коропатнік І.М. Організаційно-правові аспекти застосування підрозділів Збройних Сил України в миротворчих операціях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / І.М. Коропатнік. Ірпінь, 2006.
4. Білоцький С.Д. Міжнародно-правові питання статусу, захисту та відповідальності миротворчого персоналу / С.Д. Білоцький // Європейські перспективи. № 1. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.nbuv.gov.ua> – Назва з титул. екрану.

5. Ромашев Ю.С., Фетищев Д.В. Юрисдикция государств в правоохранительной сфере. Монография / Ю.С. Ромашев, Д.В. Фетищев. М., 2009.
6. Мелков Г.М. Международное право в период вооруженных конфликтов / Г.М. Мелков. М., 1988.
7. Тузмухамедов Б.Р. Международное гуманитарное право и международные военные операции по поддержанию и восстановлению мира / Б.Р. Тузмухамедов. Международное право: спец. выпуск. 1999.
8. Їжак А.І. Багатонаціональні операції України: юридичні, політичні і військові аспекти реалізації політики позаблоковості. Аналітична записка / А.І. Їжак [Електронний ресурс]. Режим доступу: dr.niss.gov.ua/public/file – Назва з титул. екрану.
9. Історія участі Збройних Сил України у міжнародних миротворчих операціях: матеріали сайту Міністерства Оборони України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://mil.gov.ua> – Назва з титул. екрану.
10. Хавронюк М.І. Військові злочини : комент. законодавства / М.І. Хавронюк, С.І. Дячук, М.І. Мельник; відп. ред. М.Д. Дрига, В.І. Кравченко. К., 2003.
11. Оппенгейм Л. Международное право. М., 1948.
12. Денисов С.Ф., Бодаєвський В.П. Кримінальна відповідальність військовослужбовців за корисливі посягання на військове майно (ст. 410 КК України): монографія / С.Ф. Денисов, В.П. Бодаєвський. Запоріжжя, 2011.

L I T E R A T U R E

1. Criminal right. General part: Textbook / Under a release A.S. Benickogo, V.S. Guslavskogo, O.O. Dudorova, B.G. Rozovskogo. К., 2011.
2. Lukaschuk I.I., Naumov A.V. International criminal law: Textbook / I.I. Lukaschuk, A.V. Naumov. М., 1999.
3. Koropatnik I.M. Organizaciyno-pravovi aspects of application of subsections of Military Powers of Ukraine are in peacemaking operations: dis. of cand. of legal sciences: 12.00.07 / I.M. Koropatnik. Irpin, 2006.

4. *Bilockiy S.D.* Mizhnarodno-pravovi questions of status, defence and responsibility of peacemaking personnel / S.D. Bilockiy // The European prospects. – № 1. – P. 188-193 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.nbu.gov.ua> The name is from the title of screen.
5. *Romashev U.S., Fetischev D.V.* Jurisdiction of the states is in a law-enforcement sphere. Monograph / U.S. Romashev, D.V. Fetischev. M., 2009.
6. *Melkov G.M.* International law in the period of the armed conflicts / G.M. Melkov. M., 1988.
7. *Tuzmukhamedov B.R.* International humanitarian law and international soldiery operations on maintenance and world's recovery / B.R. Tuzmukhamedov. International law: special issue 1999.
8. *Izac A.I.* Multinational operations of Ukraine: legal, political and soldiery aspects of realization of policy of позаблоковості. Analytical message / A.I. Izac [Electronic resource]. Access mode : dp.niss.gov.ua/public/file The name is from the title of screen.
9. History of participation of Military Powers of Ukraine is in international peacemaking operations: materials of site of Department of Defense of Ukraine [Electronic resource]. Access mode: <http://mil.gov.ua> The name is from the title of screen.
10. *Khavronyuk M.I.* Soldiery crimes: comment of legislation / M.I. Khavronyuk, C.I. Dyachuk, M.I. Melnic; manag. editor M.D. Driga, V.I. Kravchenko. K., 2003.
11. Oppengeym L. Mezhdunarodnoe right / L. Oppengeym. M., 1948.
12. *Denisov S.F., Bodaevskiy V.P.* Criminal responsibility of servicemen is for the mercenary trenching upon munition (art. 410 of the Criminal code of Ukraine): monograph / S.F. Denisov, V.P. Bodaevskiy. Zaporozhia, 2011.